

23 ФЕВ 1988

СМЕНА
г. Ленинград

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ на спектакле «Перейти Ниагару» по пьесе латиноамериканского драматурга Алонсо Алегрия в театр-лаборатории «Воскресенье». Два года назад этим спектаклем Гильермо Рамирес защитил диплом в ЛГИТМИКЕ.

— Гильермо, у вас сейчас существует очень большой вопрос молодой режиссуры. Молодые режиссеры после института, что happens, оказываются не у дел. Интересно, как сложилась ваша судьба?

— Как видите, я вернулся в Советский Союз. На сей раз хочу учиться на высших режиссерских курсах в Москве. Что можно сказать о положении молодого режиссера, например, в Коста-Рике? На всю страну у нас около шести театров. Из которых только один — государственный. Прочие существуют на полной, как у вас говорится, самоокупаемости. С той разницей, что не дается никаких дотаций и никому нет дела до того, откуда ты — режиссер, который решил создать театр, — возьмешь средства. А оплачивать приходится все самому. И актерам надо платить с того самого дня, как ты раскрыл с ними текст пьесы. Никто не станет работать со мной в надежде на то, что потом у меня получится и я оплачу все из дохода. Авансы у нас не выдаются — ни творческие, ни материальные. Значит, чтобы начать дело, нужно обладать хотя бы минимальным капиталом. Иначе все равно, даже если сверхусилием создать одну гениальную постановку, придется закрыться. Что и происходит. За год, пока я был на родине, закрылось два театра.

— А вы не делали попытки обосноваться в другой стране?

— Сразу после окончания института я поехал в Италию. Мне очень интересен театр Джорджо Стреллера, и я хотел попробовать у него. В то время, пока я там был, Стреллер ничего не ставил. Хотя общий язык мы нашли. Я вел курс актерского мастерства в студии Стреллера при театре «Пикколо театро да Милано». В Италии мне приходилось встречаться с русскими режиссерами-эмигрантами. Они с большим интересом и,

как мне кажется, болью спрашивали меня о том, что делается на родине. Мы говорили о том, как все не просто в «свободном мире» — пока у тебя нет имени, и даже если оно уже есть, все равно — все решает отнюдь не творчество.

— Вы оставили Италию, потому что там не нашлось для вас дела?

— Самое обидное, что я мог бы сотрудничать со Стреллером, мы пришли к какому-то взаимопониманию. Но мне пришлось уехать, так как в то время был как раз разгар терроризма, который постоянно потрясает Италию. И тот факт, что я приехал из Советского Союза, вызывал ко мне недоверие — а не террорист ли я? Конечно, не у Стреллера, а у властей.

— А что толкнуло вас изучать свою профессию именно в Советском Союзе?

— Краеугольным камнем режиссуры и вообще театра я считаю систему Станиславского. А где, как не на его родине, знают об этой системе больше? Кроме того, мне не раз приходилось встречаться с гастроллями советского театра за рубежом. Я по-прежнему остаюсь в уверенности, что это лучший театр в мире.

— Ну а какие чувства вы испытали, увидев вновь на сцене свой дипломный спектакль?

— Мне показалось, что я вернулся домой. И мы тепло обнялись с актерами — Леонидом Михайловским, Алексеем Потемкиным, которые играют в этом спектакле. Меня поразили те вопросы, то понимание, которыми делились после спектакля зрители, хотя это был не какой-то особый театралный зритель, а просто молодые ребята, которые в воскресенье пошли не на дискотеку, а в этот театр «Воскресенье». И хотя здесь крошечная сцена, маленький зритель, даже со светом нельзя работать как следует — все равно это театр, потому что пришедших сюда волнует одно и то же. И вместе они решают общий вопрос: как «перейти Ниагару» — то есть как прожить жизнь, сохранив в себе свежесть чувств, мыслей, надежд и желаний...

А. АЛИНА